

Критика экономического учения Маркса.

Изъ изслѣдованія „Соціализмъ (нравственность и хозяйство)“.

Предлагаемымъ очеркамъ мною поставлены двѣ задачи; изъ нихъ каждая достигается средствами, которыя могутъ показаться неумѣстными съ точки зрѣнія другой задачи.

Моя первая задача—подготовить, путемъ разсмотрѣнія проблемъ социализма, рѣшеніе философскаго вопроса объ отношеніи нравственности къ хозяйству. Это рѣшеніе входитъ въ систему цѣльнаго міросозерцанія. Тѣхъ читателей, которые склонны смотрѣть въ корень вещей, любятъ оглядываться назадъ и заглядывать впередъ, я считаю долгомъ предупредить, что настоящее изслѣдованіе о социализмѣ *объединяется* общимъ надзаголовкомъ „Изъ исторіи этики“ съ другими однородными изслѣдованіями: „Церковное ученіе“ и „Рационализмъ“, которыя не замедлятъ, при благоприятныхъ условіяхъ, появиться на свѣтъ, всѣ же эти изслѣдованія предваряются, уже приготовленною къ печати, работою „Оправданіе жизни. Введеніе въ исторію и теорію этики“ и завершаются системою нравственной философіи, надъ которою работаю одновременно съ названными изслѣдованіями. Говорю это для того, чтобы читатель зналъ—при встрѣчѣ съ недоумѣніями и при переходѣ къ окончательнымъ выводамъ,—куда ему обратиться и чего ждать.

Вторая моя задача—общее разсмотрѣніе социалистической теоріи. Это я дѣлаю не только безотносительно къ первой задачѣ, входя въ подробности, которыя излишни для моихъ систематическихъ цѣлей, какъ, въ свою очередь, экскурсы, предпринимаемые мною въ интересахъ первой задачи, могутъ быть признаны роскошью для второй задачи, но и съ

наибѣннѣею популярностью. Я иду навстрѣчу читателямъ широкаго круга, — лучше сказать, того опредѣленнаго отрѣзка этого круга, запросы котораго близко принимаю къ сердцу. Этой цѣли популярности я особенно надѣюсь послужить обиліемъ буквальныхъ выдержекъ изъ книгъ, на которыя приходится ссылаться. Поставленный въ рѣдко встрѣчающіяся счастливыя условія, такъ какъ имѣлъ возможность неограниченнаго пользованія книгами не только изъ богатой академической бібліотеки, но и изъ бібліотекъ Императорской Публичной и Румянцевской, которымъ и приношу здѣсь свою глубокую благодарность, заваленный, пресыщенный литературою своей темы, я не могу забыть о нуждахъ своихъ предполагаемыхъ читателей, которые не могутъ использовать и сотой доли бывшаго у меня богатства. Кто не знаетъ, какъ мучительны общія изложенія и глухія ссылки, если читатель не знакомъ съ подлинными сочиненіями, если для него бесполезны указанія цитать, — кто не знаетъ, насколько важно читателю самому разобраться въ обсуждаемыхъ предметахъ, опереться на твердую почву въ своихъ выводахъ. Я не смотрю на свои цитаты, какъ на украшеніе своей книги, я хотѣлъ бы быть полезнымъ своему читателю, — и я не колеблюсь оставить нѣкоторыя страницы въ видѣ сырого матеріала, полагая къ тому же, что такой приемъ не противорѣчитъ идеѣ труда, озаглавленнаго „Изъ исторіи“.

Между этими двумя задачами, однако, нѣтъ антагонизма. Каждая изъ нихъ достигается попутно при исполненіи другой; обѣ онѣ сливаются въ одномъ планѣ обстоятельнаго изслѣдованія социализма съ точки зрѣнія этико-исторической. Въ этомъ планѣ части имѣютъ разное значеніе: главное значеніе придается послѣдней, специальной части, а первая, общая, при всей своей громоздкости, имѣетъ въ моихъ глазахъ значеніе вводное.

Я отношусь къ социализму отрицательно, и не могу относиться къ нему иначе по своимъ этико-религіознымъ убѣжденіямъ. Однако содержаніе и тонъ моей критики социалистической системы не опредѣляются моими чувствами, моими личными симпатіями. Я надѣюсь стоять все время на уровнѣ логической объективности; я позволяю себѣ пользоваться лишь литературою, имѣющею научный авторитетъ, и аргументами, которые не должны вызывать омерзѣнія со-

стороны противной партіи, оставляя за бортомъ, какъ ненужный и даже позорный хламъ, базарную письменность и агитационные приемы; я не нахожу препятствій къ тому, чтобы сознательно проводить демаркаціонную линію между правдой социализма и его ложью, считая послѣднюю достаточной для крушенія социалистической системы и не видя нужды прибѣгать къ клеветѣ на правду. Въ общемъ градация моихъ отношеній къ социализму представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ началѣ (во введеніи) я признаю *важными* тѣ проблемы, которыя социализмъ поднимаетъ. Я не сталъ бы заниматься социализмомъ, если бы не считалъ обсужденія затронутыхъ имъ проблемъ въ высшей степени плодотворнымъ. Далѣе я высказываюсь *индифферентно* объ утопическомъ планѣ социалистическаго строя. Затѣмъ я обнаруживаю *научную несостоятельность* экономическаго ученія Маркса и признаю *философскую необоснованность и непродуманность* теоріи историческаго материализма. Наконецъ, самую слабую стороною въ социализмѣ я считаю его этико-религіозные взгляды, съ которыми невозможенъ *никакой компромиссъ*, которымъ не можетъ быть сдѣлано *ни малѣйшей уступки*, причѣмъ центръ тяжести всей своей работы я полагаю въ этой послѣдней части, придавая всему предшествующему лишь вводное значеніе.

Тѣмъ читателямъ, которые изумятся, почему я съ перваго слова не прибѣгаю къ площадной ругани по адресу социалистовъ и почему я вообще избѣгаю этого, многими палубеннаго, приѣма борьбы, я напому, что никто не приноситъ такого вреда истинѣ, какъ тѣ, которые защищаютъ истину недостойными средствами. Долговременныя педагогическія наблюденія убѣдили меня, что клевета, замалчиванія, передержки, преувеличенія очень быстро разоблачаются, а по разоблаченіи вызываютъ, въ качествѣ реакціи, озлобленіе противъ самой истины, которую такъ нечисто защищаютъ. Критика болѣе обязываетъ къ порядочности и чистоплотности, чѣмъ какой-либо другой родъ литературы. Кто не довольствуется минутнымъ успѣхомъ, кто стоитъ въ сторонѣ отъ агитационныхъ цѣлей, кто хочетъ строить прочно и надолго, кто работаетъ надъ выработкой собственнаго міросозерцанія, тотъ долженъ употреблять только доброкачественный матеріалъ.

Бываетъ критика и критика. Бываетъ критика, которая ставитъ своею единственною задачею опровергать и отвергать какъ можно болѣе и даже все пзъ того, что утверждаетъ противная сторона. Бываетъ другая критика, которая въ данной системѣ съ одинаковымъ усердiемъ отмѣчаетъ и истину, и ложь, полагая, что къ крушенiю несостоятельной системы ведутъ не только ложныя, но и ея истинныя положенiя, создающiя внутреннее противорѣчiе. Мы ниже убѣдимся, что для социалистической системы самымъ характернымъ свойствомъ является внутренняя противорѣчивость, что вся эта система построена на неосознанномъ противорѣчiи *воззрънiй* механическаго и идеалистическаго, *принциповъ объясненiя* каузальнаго и телеологическаго. Уже это одно показываетъ, насколько не примѣнима къ социализму критика перваго рода, и вообще крайне несостоятельная.

ВВЕДЕНИЕ.

Проблема бѣдности и социализмъ.

Im Haushalt der reinen Wertlehre galt die Wirtschaft bisher als das Aschenbrödel; wenn die glücklicheren Schwestern im Schmucke zum Tanze fuhren, dann musste sie sich schelten lassen und daheim in der *Küche sitzen*; und doch, wenn der *Königssohn* sie erst einmal anschauen könnte.

Seltsam ist es in der Tat und doch wieder auch leicht verständlich, wie wenig die idealistische Philosophie sich bisher um die Wirtschaft gekümmert hat. Wahrheit und Schönheit, Sittlichkeit, Recht und Religion, das sind ewige Werte, welche die ringende Menschheit emporziehen; aber Handel und Tausch, Betrieb und Verbrauch, das sind Niedrigkeiten, die den Menschen herabziehen und die, an sich wertlos, nur ertragen werden, um die Notdurft der Völker zu befriedigen. Der Gott im Menschen schafft das Gute und Wahre und Schöne, aber das hungrige und frierende Tier im Menschen schafft die Wirtschaft vom Hackbau und der Jagd des Wilden bis zu den Fabriken und Börsen einer zahmeren Menschenart. Reine Werte schöpferisch zu gestalten, bedeutet, sich über die wirtschaftliche Arbeit erheben; und der Philosoph, dessen Blick den Ideen der Weltentwicklung zugewandt ist, hat keinen Grund bei Märkten und Handeln und gar beim eigennütigen Erwerb zu verweilen. Das alles schien so selbstverständlich, dass es kaum besonderer Begründung bedarfe; es genügte einfach, Wirtschaftsleben aus dem Gehege der Philosophie zu verbannen.

H. Münsterberg Philosophie der Werte.

Социализмъ, въ общемъ смыслѣ слова, представляетъ собою практическое и теоретическое рѣшеніе вопроса о бѣдности и богатствѣ, о борьбѣ съ бѣдностью и о равномерномъ, или справедливомъ, распредѣленіи богатства.

Бѣдность привлекаетъ къ себѣ вниманіе представителей

науки и общественныхъ дѣятелей, какъ страданіе наиболѣе характерное для человѣка, поскольку оно захватываетъ обѣ стороны человѣческаго существа — и тѣлесную и духовную.

Бѣдность несетъ человѣку тяжелья тѣлесныя страданія. „Самая жестокая мука, какая только возможна, налагается крайней бѣдностью. — пишетъ Генри Джорджъ въ сочиненіи *Прогрессъ и бѣдность*. — Бѣдность, на которую съ прогрессомъ цивилизаціи осуждаются огромныя массы людей, не есть та свобода отъ суеты и соблазна, которой искали мудрецы и которую восхваляли философы: бѣдность это есть унижающее и оскотинивающее рабство, которое гнететъ болѣе высокія натуры, притупляетъ болѣе нѣжныя чувства и своей мукой понуждаетъ людей на поступки, отъ которыхъ отказались бы животныя“. „Бѣдность — говоритъ тотъ же авторъ въ одной изъ своихъ рѣчей — хуже холеры; бѣдность уничтожаетъ болѣе жизней, чѣмъ чума, даже въ самые счастливые годы. Загляните въ статистику смертности нашихъ городовъ; посмотрите, гдѣ жизнь имѣетъ наименьшую продолжительность, гдѣ малыя дѣти мрутъ, какъ мухи, — вы увидите, что въ болѣе бѣдныхъ кварталахъ. И человѣкъ, который смотритъ беззаботными глазами на безумную ярость этой чумы, человѣкъ, который ничего не предпринимаетъ для того, чтобы ослабить или уничтожить ее, — человѣкъ этотъ повиненъ въ преступленіи“.

Бѣдность не есть лишь физическое страданіе, — она есть вмѣстѣ съ тѣмъ страданіе духовное. Вопросъ о бѣдности для нашего времени — не есть вопросъ объ отношеніи человѣка къ природѣ, но это вопросъ объ отношеніи людей другъ къ другу, вопросъ общественный, вопросъ о справедливости. Давящая современное общество бѣдность не отъ природы. По словамъ Севастьяна Фора, — „если огромная часть населенія лишена существенно необходимаго, то это происходитъ не отъ недостатка одежды, питательныхъ веществъ, жилищъ. Съ давнихъ поръ и нынѣ наше имущество позволяетъ полное удовлетвореніе всѣмъ этимъ потребностямъ. Если существуетъ множество невѣждъ и неграмотныхъ, то вовсе не потому, что человѣчество осуждено на умственный пауперизмъ. Причина всѣхъ этихъ физическихъ и умственныхъ страданій не въ природѣ: слѣдовательно, нужно ее искать въ другомъ мѣстѣ“. Вина и не въ шди-

видуумъ. Конечно, тотъ или другой бѣднякъ можетъ быть самъ виноватъ въ своей бѣдности, какъ равно и богатства у тѣхъ или другихъ лицъ накапливаются и растутъ вслѣдствіе ихъ нечестности. Но наряду съ этою личною виною существуютъ причины бѣдности, которыя не находятся во власти бѣдняковъ, — существуетъ бѣдность не какъ результатъ невѣжества и личной вины, а какъ „мать невѣжества и кормилица преступленій“; равнымъ образомъ и капиталъ, помимо личной нечестности богачей, при современныхъ условіяхъ не можетъ не расти и не паразитировать работниковъ. „Чрезвычайно трудно—читаемъ у Гобсона ¹⁾—опредѣлить, въ какой мѣрѣ пьянство, пороки, лѣность и другіе личные недостатки дѣйствительно составляютъ причину бѣдности въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Есть, однако, основаніе думать, что большая часть случаевъ крайней бѣдности и нищеты не можетъ быть приписана этимъ личнымъ порокамъ; напротивъ, она должна быть приписана причинамъ экономическимъ, за которыя лица, страдающія отъ бѣдности, не отвѣтственны“. Причины бѣдности со всѣми ея страданіями и послѣдствіями, поглощая личную вину человѣческую, коренятся въ общественно-экономическомъ строѣ. Генри Джорджъ справедливо называетъ бѣдность преступленіемъ: „бѣдность есть преступленіе не личное, а общественное, т. е. такое, за которое отвѣтственны все мы, какъ бѣдные, такъ и богатые“. Мы можемъ сказать вмѣстѣ съ Е. Дюрингомъ ²⁾: „крайне ошибочно полагать, что трудности жизни, съ которыми приходится бороться въ нынѣшнемъ обществѣ, и притомъ не только на низшихъ ступеняхъ соціальной лѣстницы, зависятъ отъ природнаго недостатка и отъ невозможности получить достаточное количество пищи. Какъ показываетъ въ особенности примѣръ Америки, такъ называемое излишнее населеніе происходитъ отъ ошибочной или недостаточной организаціи хозяйственной дѣятельности“. По изображенію современныхъ порядковъ Томасомъ Карлейлемъ, богатства нашего времени превышаютъ все, что видѣли прежнія времена, но никогда

1) *Problems of poverty*—Проблемы бѣдности

2) *Cursus der National- und Socialökonomie*—Курсъ національной и соціальной экономіи.

прежде богатство не доставляло такъ мало радости. „Среди полнокровнаго изобилія, народъ погибаетъ; среди золотыхъ стѣнъ и полныхъ житницъ, никто не чувствуетъ себя безопаснымъ и удовлетвореннымъ“. Карлейль сравниваетъ наше богатство съ золотомъ Мидаса. „Мидасъ жаждаль золота и оскорбилъ Олимпійцевъ. Онъ получилъ золото, такъ что все, къ чему онъ ни прикасался, дѣлалось золотомъ,—но ему, съ его длинными ушами, было немногимъ отъ того лучше... Сколько истины въ этихъ старинныхъ басняхъ!“

Весь ужасъ нашего времени въ томъ, что страданія бѣдности нынѣ идутъ нога въ ногу съ возрастаніемъ власти человѣка надъ природою, съ накопленіемъ въ обществѣ богатствъ. Проф. Уоллесъ, авторъ известной книги „Чудесный вѣкъ“, краснорѣчиво изображаетъ современную трагедію. „Чѣмъ болѣе наука открываетъ предъ нами безконечныя возможности человѣческаго благополучія, тѣмъ болѣе намъ приходится сознаться въ полнѣйшей нашей несостоятельности рационально пользоваться ими. Имѣя въ своемъ распоряженіи все для того, чтобы снабдить людей предметами необходимости, комфортомъ и даже роскошью, и въ то же время обезпечить имъ полный досугъ для духовныхъ удовольствій и эстетическихъ наслажденій, мы, однако, такъ безбожно изуродовали наше общественное хозяйство, что неслыханную доселѣ и пагубную роскошь сдѣлали достояніемъ немногихъ, въ то время какъ миллионы людей принуждены страдать цѣлую жизнь отъ недостатковъ въ существенно необходимомъ для здороваго существованія. Въ теченіе послѣдней половины этого чудеснѣйшаго столѣтія (XIX), когда наука различными путями до такой степени расширила власть человѣка надъ природою, что нынѣ явилась возможность производить во сто разъ больше продуктовъ, чѣмъ въ любое изъ предыдущихъ столѣтій,—въ такое время страшная нужда въ предметахъ первой необходимости охватила не только абсолютно, но и относительно большее число нашего населенія, чѣмъ прежде“. Одни страдаютъ отъ бѣдности, межъ тѣмъ какъ другіе не знаютъ, что дѣлать съ накопленными богатствами, съ готовыми товарами. Фонъ-Кирхманъ ¹⁾,—который болѣе известенъ по

1) *Die Tauschgesellschaft.*

письмамъ къ нему знаменитаго Родбертуса ¹⁾,—подыскаль картинный образъ для сравненія нашихъ социальныхъ бѣдствій. „Современное общество имѣеть большое сходство съ группой путешественниковъ въ пустынь. Истомленные жаждой, они находятъ источникъ, достаточный для того, чтобы напоить всѣхъ и подкрѣпить ихъ силы; однако небольшое число людей набрасывается на самый истокъ ключа; изъ недоброжелательства они оставляютъ большинству только нѣсколько капель для утоленія жажды; сами они пьютъ большими глотками, но источникъ даетъ больше воды, чѣмъ они могутъ выпить, и изъ пресыщенія и недоброжелательства этой кучки людей половина текущей воды уходитъ въ песокъ“.

Вопросъ общественно-экономическій, какъ вопросъ о страданіяхъ и о справедливости, стоитъ въ центрѣ научныхъ и общественныхъ интересовъ. Всѣ виды дѣятельности, какъ тотъ, который имѣеть цѣлью матеріальное благоденствіе, такъ и тотъ, который направляется на удовлетвореніе духовныхъ запросовъ, одинаково наталкиваются на этотъ вопросъ. Искусство для своего процвѣтанія, религія для вліянія на народъ, политика для своей успѣшности должны принимать живое участіе въ рѣшеніи социальной проблемы ²⁾.

¹⁾ Sociale Briefe an Kirchmann. См. 2 (и 3) письмо *Zur Beleuchtung der sozialen Frage*—Къ освѣщенію социального вопроса.

²⁾ Фр. Г. Пибоди *The approach to the social question—un introduction to the study of social ethics*: Art, if it is to flourish, must concern itself with the problems of the common life and contribute to the happiness and solace of the masses of men; religion, if it is to control modern life, must add to its ministry to the single soul the redemption of the social world; and democracy, having won its political victory, has now before it a further conflict with feudalism, paternalism, and privilege entrenched in their industrial strongholds. The ideals of other ages—*aesthetic, religious, and political* find themselves reproduced and comprehended in the new ideal of a better world which marks the age of the Social Question—Шэффле *Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft* § 22: Die National-Oekonomie vermag zu zeigen, dass eben die specifisch wirthschaftliche Untugend, d. h. Volksunwirthschaftlichkeit im Einzelnen und im Ganzen, Folge sittlich defecter Gesamtzustände ist, dass der Materialismus zu keiner vollendeten und nachhaltigen Volkswirthschaft gelangen kann. Die christliche Ethik sollte endlich um ihrer selbst willen die rigore Verachtung der Volkswirthschaft fahren lassen und vielmehr ihre Geltung gerade für Volkswirthschaft nachweisen

Наше время внимательно къ общественно-экономическому вопросу несравненно болѣе, чѣмъ какое-либо изъ прежнихъ временъ ¹⁾. Для объясненія этого нѣтъ нужды предполагать, что нынѣ социальная жизнь по количеству и остротѣ страданій стала болѣе невыносимою сравнительно съ прошлыми временами, что нынѣ возрасли физическія страданія бѣдности. Справедливо скорѣе обратное. Хорошо извѣстно, что нынѣ народной массѣ доступны такія блага культуры, о которыхъ раньше не мечтали даже цари, что въ среднемъ итогѣ самые низшіе классы въ культурномъ обществѣ и наименѣе культурные изъ европейскихъ народовъ не столь безпомощны предъ лицомъ бѣдствій, какъ было въ старину или какъ теперь безпомощны некультурные народы. Адамъ Смітъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи ²⁾ справедливо пишетъ: „разумѣется, имущество его (т. е. бѣднаго человѣка изъ нашего общества, какого-нибудь поденщика, ремесленника) окажется весьма просто и обыкновенно, если сравнить его съ необычайною роскошью какого-либо богатаго господина, тѣмъ не менѣе между домашнею утварью какого-нибудь европейскаго государя и утварью трудолюбиваго и порядочнаго крестьянина, быть можетъ, окажется меньшее разстояніе, чѣмъ между обстановкою послѣдняго и обстановкою какого-нибудь африканскаго короля, царствующаго надъ десятью тысячами нагихъ дикарей и произвольно распоряжающагося ихъ свободою и жизнью. То же читаемъ у Рощера ³⁾. „Что вмѣстѣ съ ростомъ экономической культуры положеніе самаго низшаго класса вообще становится лучше, абсолютно лучше,—это исторически несомнѣнно. Если бы мы услышали теперь о такихъ жилищахъ бѣдняковъ, которыя были бы устроены столь неплотно, что для защиты отъ вѣтра при-

1) Впрочемъ нужно избѣгать преувеличеній. Находятъ даже возможнымъ говорить, что экономическій вопросъ въ древности ставился съ такою же остротою, какъ и нынѣ. P. Guiraud *Études économiques sur l'antiquité: Les questions économiques avaient, dans les sociétés antiques comme dans la nôtre, une importance prépondérante etc.*

2) *An inquiry into the nature and causes of the Wealth of nations*—*Изслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ.*

3) *System der Volkswirtschaft* томъ пятый; *System der Armenpflege und Armenpolitik*—*Система призрѣнія бѣдныхъ и мѣропріятій противъ бѣдности.*

ходило бы закрывать стѣны платками, а свѣчи ставить въ фонари, то мы были бы возмущены. Между тѣмъ во время Альфреда Великаго († 901 года) даже королевскіе дворцы были столь несовершенны. Примасть Англійи Тома Беккетъ выказывалъ роскошь въ томъ, что зимой приказывалъ ежедневно устилать свои комнаты чистымъ сѣномъ или соломою, а лѣтомъ зелеными вѣтками, чтобы гости, не помѣшавшіеся за столомъ, не испортили себѣ платья, сидя на грязномъ полу. Если сравнить жилище, пищу и одежду теперешнихъ германскихъ солдатъ со временемъ Фридриха Великаго, то легко можно признать, какіе большіе успѣхи сдѣлалъ самый низшій режимъ жизни¹⁾. Въ частности, положеніе фабричныхъ рабочихъ въ Западной Европѣ значительно измѣнилось къ лучшему послѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія²⁾. И поэтому, хотя до самаго послѣдняго времени бѣдность порождаетъ не мало ужасныхъ фактовъ, отъ которыхъ холодѣетъ человѣческое сердце, ихъ было бы недостаточно, чтобы при общемъ фонѣ повышеннаго благосостоянія народныхъ массъ, поставить социальный вопросъ въ центрѣ всеобщаго вниманія. До самаго послѣдняго времени возможны факты голодной смерти въ большихъ городахъ, убійства родителями дѣтей, ради полученія

1) Рикардо *On the principles of political economy and taxation* = *Начала политической экономіи*: „Многія изъ тѣхъ удобствъ, которыми въ настоящее время располагаетъ жилище англійскаго рабочаго, считались бы предметами роскоши въ отдаленныя времена нашей исторіи“.

2) Къ этому вопросу мы вернемся ниже. Марксизмъ тенденціозно проглядѣлъ фактъ повышения благосостоянія рабочихъ въ общемъ. Онъ ошибочно думаетъ, что для наступленія социализма болѣе благоприятно угнетенное состояніе рабочихъ. На самомъ дѣлѣ повышение благосостоянія низшихъ классовъ нужно считать въ числѣ условій социалистическаго движенія рабочихъ. Безпристрастные мыслители это понимаютъ. Такъ Э. ф. Гартманъ въ *Die sozialen Kernfragen* пишетъ: *Die Unzufriedenheit der Besitzlosen .. heute stärker ist als je zuvor, weil ihre Lage heute relativ besser und damit ihre Energie heute grösser ist als je zuvor..* Припомнимъ извѣстное наблюденіе А. Токвиля (*Старый порядокъ и революція*): „Не всегда начинается революція при переходѣ отъ зла еще къ большому злу; чаще народъ, перенесшій, не жалуясь и какъ будто не чувствуя, законы самыя тягостныя, вдругъ отбрасываетъ ихъ, какъ только облегчена тяжесть. Зло, терпѣливо переносимое до сихъ поръ, какъ неизбѣжное, кажется невыносимымъ съ появленіемъ мысли объ избавленіи отъ него“.

страховыхъ грошей, и продажи дѣтскаго тѣла, возможны невѣроятно тяжелые промыслы, какъ промыслъ рудокоповъ, возможны бѣдствія безработицы, дѣтскій трудъ на фабрикахъ, потогонная система (sweating system), зловонные ночлежные дома, рынокъ рабыни веселія ¹⁾ и т. п. Не количество этихъ фактовъ, не та видимая боль, о которой они свидѣтельствуютъ, придаютъ нынѣ социальному вопросу универсальную форму, дѣлаютъ его основнымъ вопросомъ нашего времени, дѣлаютъ наше время вѣкомъ социальнаго вопроса ²⁾.

Для объясненія современной остроты и широты этого вопроса слѣдуетъ принять во вниманіе повышенную чувствительность къ страданіямъ въ людяхъ нашего времени, которая въ свою очередь зависитъ не только отъ физиологическихъ результатовъ культуры, отнявшей у насъ выносливость дикарей и легко прививающей людямъ нашего времени множество новыхъ потребностей, сколько отъ измѣнившихся взглядовъ на жизнь. Загробныя ожиданія нынѣ потускнѣли и для многихъ вовсе не существуютъ, повсюду распространяется сознательная жажда земного счастья, „земного рая“. Девизомъ нашего времени могутъ служить извѣстные стихи Гейне:

Ein neues Lied, ein besseres Lied,
 O Freunde, will ich euch dichten:
 Wir wollen hier auf Erden schon
 Das Himmelreich errichten.
 Wir wollen auf Erden glücklich sein,
 Und wollen nicht mehr darben;
 Verschlemmen soll nicht der faule Bauch,
 Was fleissige Hände erwarben.

¹⁾ О социальныхъ бѣдствіяхъ Европы XIX вѣка можно читать у Карлейля, Генри Джорджа, Энгельса *Положеніе рабочаго класса въ Англии*, Маркса *Капиталъ* т. 1, С. Форса *Міровая скорбь*, Маккая *Анархисты*, Бюре *La misère des classes laborieuses en Angleterre et en France*, Гельда *Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands*, Бутса *Life and Labor of the People in London*, Гобсона *Problems of poverty. The problem of the unemployed* = *Проблемы бѣдности и безработицы*, Шинпеля *Современная бѣдность и современное перенаселеніе*.

²⁾ Проф. Пибоди *Jesus Christ and the social question* (among human interests the social question is just now central and commanding); *The approach to the social question* (it is the age of the Social Question).

Es wächst hinieden Brod genug
 Für alle Menschenkinder,
 Auch Rosen und Myrten, Schönheit und Lust,
 Und Zuckererbsen nicht minder.
 Ja, Zuckererbsen für Jedermann,
 Sobald die Schoten platzen!
 Den Himmel überlassen wir
 Den Engeln und den Spatzen ¹⁾.

Къ этой жаждѣ и пристаеъ социализмъ, выражая ее наиболѣе откровенно. „Социалистъ—по словамъ Бакунина—имѣеть опорой свое положительное право на жизнь со всеми ея наслажденіями, какъ интеллектуальными и моральными, такъ и физическими. Онъ любитъ жизнь и хочетъ насладиться ею вполнѣ; его убѣжденія—часть его самого, его обязанности по отношенію къ обществу неразрывно связаны съ его правами. Чтобы соблюдать и тѣ и другія, онъ долженъ жить согласно съ справедливостью, какъ Прудонъ, и быть готовымъ умереть, какъ Бабёфъ, но онъ никогда не скажетъ, что человѣческая жизнь должна быть самопожертвованіемъ и что смерть—самое сладкое“. Вейтлингъ, портной-социалистъ, своей книгѣ *Garantien der Harmonie und Freiheit* предпослалъ слѣдующій эпитафъ: „мы хотимъ быть свободными, какъ птицы небесныя; мы хотимъ, подобно имъ, прожить жизнь счастливо, беззаботно и въ сладкой гармоніи“. Жюль Гедъ выразился наиболѣе кратко и энергично, сказавъ: *nous sommes le parti du ventre*.

Эта привязанность къ землѣ и забвеніе небесныхъ идеаловъ у низшихъ классовъ, конечно, развиваютъ только стремленіе къ довольству; въ то же время у богатыхъ классовъ такая психика сопровождается неслыханнымъ прежде сребролюбіемъ, стяжательностью. Богатство сдѣлалось цѣлью, ради которой забывается все остальное. И всегда богачи

¹⁾ „Новую пѣснь, лучшую пѣснь пропою вамъ, друзья: уже здѣсь на землѣ хотимъ мы устроить небесное царство. Мы хотимъ быть счастливыми уже на землѣ и не терпѣть нужды; того, что добыли прилежными руками, не должно поглощать лѣнивому брюху. На землѣ растеть хлѣба достаточно для всѣхъ людей, много и розъ и миртъ-красоты и утѣхъ и сладкаго горошку. Да, достанется каждому сладкій горошекъ, лишь только лопнуть стручки, а небо мы уступимъ ангеламъ и воробьямъ“.

были жадны, сребролюбивы, но никогда прежде эта страсть не обнаруживалась съ такою наглостью, неприкровенностью, исключительностью. Такъ по наблюденію Токвиля, въ XVIII столѣтіи „люди высшихъ сословій старались болѣе украсить свою жизнь, чѣмъ сдѣлать ее удобною для себя, жаждали славы, а не богатства“. Не такую представляется жизнь наблюдателю современной жизни. Изъ всѣхъ современныхъ экономистовъ Ад. Вагнеръ ¹⁾ наиболѣе внимательно останавливается на вопросѣ о мотивахъ хозяйственной дѣятельности. Онъ находитъ, что эти мотивы очень разнообразны: хозяйство опредѣляется мотивами какъ эгоистическими, такъ и не-эгоистическими. Мотивы эгоистическіе составляютъ цѣлую группу: первый изъ нихъ—стремленіе къ личной хозяйственной выгодѣ (*Streben nach dem eigenen wirtschaftlichen Vortheil und Furcht vor eigener wirtschaftlicher Noth*), второй—страхъ предъ наказаніемъ и надежда на признательность (*Furcht vor Strafe und Hoffnung auf Anerkennung*), третій—чувство чести (*Ehrgefühl, Geltungsstreben und Furcht vor Schande und Missachtung*), четвертый—влечение къ активности и отвращеніе къ бездѣйствію (*Drang zur Bethätigung und Freude am Thätigsein, auch an der Arbeit als solcher, und an den Arbeitsergebnissen als solchen, sowie Furcht vor den Folgen der Unthätigkeit—Passivität*). Всѣ эти мотивы разнообразно сплетаются, влияя другъ на друга, а ихъ комбинація видоизмѣняется въ разные періоды исторіи, дифференцируется отъ народа къ народу, отъ класса къ классу. Обозрѣвая съ этой точки зрѣнія наше время, Вагнеръ находитъ, что нынѣ дѣйствуютъ почти исключительно эгоистическіе мотивы, а изъ нихъ почти исключительно первый мотивъ. Голая жажда приобрѣтенія, приобрѣтенія во что бы то ни стало, какими бы то ни было средствами, приобрѣтенія ради приобрѣтенія—нынѣ господствуетъ надъ всѣмъ ²⁾. Не прикрашенное ника-

¹⁾ *Grundlegung der politischen Oekonomie* I (3 Aufl.).

²⁾ Die öffentliche Meinung und das sittliche Gefühl jedes Einzelnen stumpft ab, die Art des *Erwerbs*, des *Verbrauchs* wird gleichgiltig. „Gelderwerb um jeden Preis“, auch um den der Ehre, des Anstands, des Gewissens, „Gelderwerb auf jede Art“, auch durch wildeste Speculation, durch grösste Ausbeutung Anderer, durch sittlich bedenklichste Mittel mit den traurigsten Folgen für Andre, auf hässlichsten Wegen, „Gelderwerb in möglichster Höhe“, auch weit über den eigenen Bedarf, über ein vernün-

кою вуалью, не прикрытое никакимъ фиговымъ листкомъ, накопленіе богатствъ находить себѣ единственный исходъ въ физиологическомъ наслажденіи. Жизнь современныхъ богачей, денежной аристократіи—поражаетъ небывалою прежде, сказочною роскошью. Въ ихъ распоряженіи находятся всѣ блага жизни, усовершенствованныя и утонченныя новѣйшей техникой, а современное матеріалистическое направленіе умовъ развязываетъ руки денежной аристократіи въ пользованіи этими благами. Нынѣ богачи смотрятъ на свое богатство и пользуются имъ крайне упрощенно,—и богатство болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, служитъ источникомъ крайняго развращенія нравовъ. Лебонъ, авторъ интересной книги *Психологія социализма*, обращаетъ вниманіе читателей на эти грустные результаты владычества денегъ. „Всеобщая погоня за богатствомъ повела къ общему пониженію нравственности и ко всѣмъ его послѣдствіямъ. Наиболѣе ярко выразилось это пониженіе въ умаленіи престижа буржуазіи въ глазахъ низшихъ общественныхъ слоевъ. Буржуазія постарѣла въ одинъ вѣкъ настолько, насколько аристократія за тысячелѣтіе. Буржуазія вырождается ранѣе, чѣмъ въ третьемъ поколѣніи, и освѣжается лишь постояннымъ приливомъ элементовъ низшей расы. Буржуазное общество можетъ завѣщать своимъ дѣтямъ богатство, но какъ оно передастъ потомству случайныя качества, которыя только вѣками могутъ быть упрочены въ потомствѣ? Крупныя состоянія смѣнили собою наслѣдственный геній, наслѣдственныя дарованія, но эти состоянія слишкомъ часто переходятъ къ жалкимъ потомкамъ. И вотъ, быть можетъ, наглое тщеславіе крупныхъ богачей и манера ихъ тратить свои средства болѣе всего способствовали развитію социалистическихъ идей“. Весь режимъ богачей, вся эта выставка

ftiges Maass des Verbrauchs, der Lebensweise, der Vermögensbildung, der berechtigten Zukunftsfürsorge für sich und die Seinen hinaus, „Geldverbrauch zu frivolster, thörichtester Genusssucht und Eitelkeit“—das werden die Zielpunkte. Die Generationen werden von Jugend auf damit bekannt, daran gewöhnt, alle Classen und Stände der Bevölkerung wachsen in diesen Anschauungen auf und machen dieselben zu den ihrigen. Classen, Stände, Einzelne, welchen nicht die materiellen Mittel der in Concurrenzkampf Obsiegenden zu Gebote stehen, werden gegen letztere mit Neid und Hass erfüllt.

богатства, тщеславная видимость роскоши, какъ бы, разсчитаны на то, чтобы, питая въ однихъ чувство гордости, непрерывно дразнить въ низшихъ классахъ чувство зависти ¹⁾.

Развращенность частной жизни богачей, наглость расходованія богатства—нынѣ, какъ это ни странно на первый взглядъ, мирно сочетаются съ дѣловой корректностью, съ юридической порядочностью отношеній капиталистовъ и предпринимателей къ рабочимъ, служащимъ и покупателямъ. Каковъ бы ни былъ по своимъ нравственнымъ качествамъ предприниматель, жизнь вынуждаетъ его вести „дѣло“ честно и открыто—уже во имя успѣшности дѣла, во имя личныхъ интересовъ. Мошенничество нынѣ стыдливо прячется и даже совсѣмъ удаляется изъ дѣловой сферы, какъ приемъ невыгодный. Это обстоятельство имѣетъ тотъ важный результатъ, что бѣдствія, которыя выпадаютъ на долю всѣхъ страдающихъ отъ капитала—рабочихъ, покупателей, не могутъ быть приписаны случайнымъ условіямъ, личной недобросовѣстности капиталиста, но неизбѣжно приписываются господствующей экономической системѣ. Такъ оцѣнивается это обстоятельство Энгельсомъ ²⁾. „Законъ политической экономіи таковъ, что, по мѣрѣ развитія капиталистическаго производства, мелкія мошенничества и надувательства, характеризующія болѣе низкія ступени его, постепенно исчезаютъ. Жульническія продѣлки польскаго еврея, низшаго типа европейскаго торговца,—продѣлки, которыя оказываютъ такія прекрасныя услуги на родинѣ, измѣняютъ ему, какъ только онъ попадаетъ въ Гамбургъ или Берлинъ. Коммисіонеръ, все равно—христіанинъ или еврей, пріѣзжающій изъ Гамбурга или Берлина въ Манчестеръ, точно также убѣждается, что, для выгодной продажи пряжи или тканей, ему надо прежде

¹⁾ W. Roscher *Grundlagen der Nationalökonomie (System der Volkswirtschaft* B. 1): Wo Reichthum und Armuth durch eine Kluft getrennt sind, welche der Arme gar keine Hoffnung hat je zu überfliegen: wie ungemildert wird da der Stolz auf der einen Seite, der Neid auf der andern wüthen! Nun gar in den Brennpunkten der Volkswirtschaft, den grossen Städten, wo sich dem tiefsten Elende ganz dicht zur Seite der frechste Luxus stellt, und das Elend selbst, seine Massenhaftigkeit erkennend, sich gegenseitig aufhetzt. Schon die blosse auffällige Kleinzahl der Besitzenden muss die Opposition verschärfen.

²⁾ *Die Lage der arbeitenden Klasse in England*—*Положеніе рабочаго класса въ Англии.*

всего отложить въ сторону жалкіе мошенническіе приемы, считающіеся верхомъ коммерческой мудрости на его родинѣ... Въ той же мѣрѣ, въ какой развивалась крупная промышленность, повышался также, по крайней мѣрѣ, по внѣшности нравственный уровень ея представителей. Конкуренція фабрикантовъ съ помощью мелкихъ надувательствъ рабочихъ становилась невозможной; промышленность переросла такія жалкія средства полученія прибыли; время миллионера-фабриканта было слишкомъ дорого для того, чтобы тратить его на пустяки. Мелкимъ надувательствомъ промышленляли только люди безденежные, которымъ приходилось дорожить каждымъ грошомъ, чтобы не погибнуть отъ конкуренціи. Далѣе. Чѣмъ крупнѣе промышленное предприятие, чѣмъ больше въ немъ занято рабочихъ, тѣмъ болѣе убытки и неприятели при всякомъ столкновеніи съ послѣдними. Поэтому съ теченіемъ времени фабрикантовъ, особенно крупныхъ, обуялъ совсѣмъ новый духъ. Они научились избѣгать ненужныхъ споровъ, научились считаться съ существованіемъ и силой трэдь-юніоновъ, и въ концѣ концовъ открыли, что стачки, конечно своевременныя, очень дѣйствительное средство для достиженія ихъ собственныхъ цѣлей. Такимъ-то образомъ крупнѣйшіе фабриканты, бывшіе прежде руководителями въ борьбѣ съ рабочимъ классомъ, сдѣлались теперь усердными проповѣдниками мира и гармоніи. Въ глазахъ крупныхъ промышленниковъ мелкія прижимы прежнихъ временъ не только потеряли всякое значеніе, но сдѣлались прямо помѣхой дѣлу. Такимъ образомъ самое развитіе капиталистическаго производства повело къ устраненію мелкихъ прижимокъ, которыя въ прежнее время ухудшали положеніе рабочихъ. Благодаря этому все яснѣе обозначается важный фактъ, что причина тяжелаго положенія рабочаго класса заключается не въ мелкихъ злоупотребленіяхъ, а въ *самомъ капитализмѣ*".

И намъ теперь нужно остановить свое вниманіе на капитализмѣ, на капиталистической, или денежной, системѣ производства, которая даетъ послѣднее объясненіе современному соціальному движенію. Говоря иначе, намъ нужно опуститься въ самый нижній этажъ современной соціальной жизни, который лежитъ въ основѣ отчужденной психики богатыхъ и бѣдныхъ классовъ общества.

Современное капиталистическое производство радикально отличается от господствовавшего в древности и в средне-вѣковые натурального хозяйства и ремесленного производства ¹⁾. Натуральное хозяйство характеризовалось тѣмъ, что производитель и потребитель сливались в одномъ лицѣ. Каждая хозяйственная единица (*oikos*, *familia*, *manor*) все для нея потребное производила сама („самопроизводительное имущество“), и производила она лишь то, что было нужно для ея потребностей. Отсюда занятія каждого работника были сложны и разнообразны, занятія же всѣхъ отдѣльных хозяйствъ были вполне схожи, а потребности ихъ были не только в существенномъ подобны, различаясь по степени изобилія ²⁾, но и просты — сравнительно съ позднѣйшимъ временемъ, такъ что оставался меньшій просторъ для различій в жизни богатыхъ и бѣдныхъ хозяйственныхъ группъ. вмѣстѣ съ тѣмъ не было мотивовъ и для значительныхъ торговыхъ сношеній между замкнутыми хозяйствами, и торговля почти ограничивалась предметами роскоши. Вѣ постепенно отдѣлившимся отъ земледѣлія и получившемъ самостоятельное значеніе городскомъ ремеслѣ производство обособилось отъ потребленія и распалось на отдѣльныя специальности. Ремесленникъ уже работалъ для рынка, для потребителей. Но старое ремесленное производство значительно отличалось отъ современного производства. Такъ какъ ремесло пользовалось несложными и немногочисленными орудіями, пріобрѣтеніе которыхъ требовало незначительной затраты капитала, то ремесленное хозяйство обычно велось в ничтожныхъ размѣрахъ и представляло собою самостоятельное предпріятіе. Мастеръ былъ самостоятельнымъ хо-

¹⁾ Ср. классификацію формъ общественнаго хозяйства у Бюхера *Die Entstehung der Volkswirtschaft* = *Происхожденіе народнаго хозяйства*.

²⁾ „Въ древности дѣленіе національнаго имущества было только *количественное*, различное только по *величинѣ* частей, которыя по большей части опредѣлялись размѣрами землевладѣнія, такъ какъ этимъ обусловливалось количество рабовъ и остальнаго движимаго имущества... Поэтому въ древности—въ хозяйственной области не существовало никакого другаго противоположенія, какъ бѣдный и богатый, которое въ современномъ обществѣ не имѣетъ уже преобладающаго значенія“. Родбертусъ *Untersuchungen auf dem Gebiete der National-Oekonomie des klassischen Alterthums* = *Исслѣдованія въ области національной экономіи классической древности*.

зьянномъ, онъ былъ собственникомъ орудій производства, самъ закупалъ сырой матеріалъ и сбывалъ продукты производства. „Работникъ и его средства производства оставались соединенными другъ съ другомъ, какъ улитка съ своей раковиной“ (Марксъ). Руководитель производства и рабочій совмѣщались въ одномъ лицѣ, трудъ не былъ отдѣленъ отъ капитала. Этотъ характеръ ремесленного производства долгое время поддерживался цеховой организаціей. Но оно должно было уступить напору капитала, который сталъ накапливаться въ Европѣ уже со времени крестовыхъ походовъ, установившихъ прочное торговое сношеніе Европы съ Востокомъ, а еще болѣе того вслѣдствіе открытіи Америки и морскаго пути въ Индію, расширившихъ границы торговли и привлекившихъ въ Европу громадное количество золота. Это было причиною въ аграрной области замѣны мелкихъ земледѣльцевъ классомъ крупныхъ фермеровъ-капиталистовъ и обезземеленія сельскаго населенія, а въ обрабатывающей промышленности перехода ремесленного производства въ производство мануфактурное. Въ послѣднемъ уже обозначились нѣкоторыя черты, вполнѣ развитыя въ позднѣйшемъ—капиталистическомъ производствѣ, именно отдѣленіе капитала отъ труда, предпринимателя отъ работника, и крайнее дробленіе занятій. Изобрѣтеніе машинъ произвело въ производствѣ ту реформу, что на мѣсто *возможности* примѣненія капитала къ производству, которая уже осуществлялась въ мануфактурѣ, появилась *необходимость* капитала. Дорого стоящая машина требуетъ затраты большого капитала и окупается лишь при широкомъ размѣрѣ производства, вызывающемъ значительное скопленіе рабочихъ рукъ. Рѣшительное паденіе мелкаго ручного промышленнаго труда, который уже не могъ конкурировать съ фабричнымъ производствомъ, въ союзъ съ обезземеленіемъ народныхъ массъ—дало безспорное господство крупному фабричному производству съ обширнымъ классомъ промышленныхъ рабочихъ, пролетаріатомъ, создавшимъ наиболѣе характерныя особенности въ современномъ отношеніи между богатствомъ и бѣдностью. Въ своей исторіи фабричный пролетаріатъ пережилъ тяжелыя условія физическаго существованія—длинный рабочий день, невыносимыя жилища, малую заработную плату, дѣтскій трудъ. Физическія условія рабо-

чихъ въ наши дни замѣтно измѣнились къ лучшему. Но не измѣнились и не могутъ измѣниться ни отъ какихъ реформъ существенныя черты капиталистическаго производства, денежнаго хозяйства, вырабатывающія психическое настроеніе, общее для наемныхъ рабочихъ, получающихъ не менѣе, чѣмъ университетскіе профессора, и голодающихъ рабочихъ, сливающихся съ нищими. Въ капиталистической системѣ хозяйства отдѣленіе капитала отъ труда реализовалось до послѣдней крайности. Рабочій не имѣетъ никакихъ средствъ къ существованію кромѣ своего труда, своей рабочей силы. Такъ какъ трудъ можетъ быть производительнымъ лишь подъ условіемъ соединенія его съ вещественными факторами производства, то рабочій оказывается въ полной зависимости отъ того, кто обладаетъ орудіями производства. Будучи юридически вполне свободнымъ, отдавая свой трудъ по свободному найму, рабочій экономически оказывается въ полномъ рабствѣ у руководителей производства. Простой отказъ ему со стороны фабричной администраціи, хотя бы то было влѣдствіе вынужденнаго сокращенія размѣровъ производства, ставитъ рабочаго въ безвыходное положеніе. И даже имѣя работу, онъ никогда не можетъ быть увѣренъ въ слѣдующемъ днѣ. Рѣзкій контрастъ между богатствомъ и бѣдностью въ предѣлахъ одного промышленнаго хозяйства, подчеркиваемый рѣзущей глаза роскошью капиталистовъ-предпринимателей, невольно заставляетъ рабочій пролетаріатъ оцѣнивать роль своего труда въ созданіи богатства руководителей предпріятія. Весь строй денежнаго производства служитъ яркимъ выраженіемъ того, что коллективный трудъ рабочихъ создаетъ богатство одного предпринимателя, что предпринимательскій капиталъ растетъ на счетъ рабочихъ. Неотъемлемое и самое характерное свойство капитализма, современнаго денежнаго хозяйства, состоитъ въ томъ, что капиталистъ-предприниматель богатѣетъ на счетъ рабочихъ.

Иллюстрируемъ теперь эту схему капитализма болѣе яркими картинками, изображающими дѣло такъ, какъ оно представляется со стороны пролетаріата и его сторонниковъ. Въдъ наша задача—понять современную проблему бѣдности, понять, какъ нынѣ ставится социальный вопросъ въ живой дѣйствительности, въ видѣ взглядовъ и чувствованій жи-

выхъ людей, понять, въ чемъ ихъ интересы, желанія, каковы ихъ притязанія. Намъ пока совершенно нѣтъ нужды устанавливать различіе между справедливостью объективной и субъективнымъ чувствомъ справедливости, нѣтъ нужды оцѣнивать притязанія чувства субъективной справедливости, рѣшать вопросъ о примѣнимости этической точки зрѣнія къ социальнымъ отношеніямъ. Мы пока констатируемъ то, что есть въ дѣйствительности, вникаемъ въ смыслъ современныхъ рѣчей, въ содержаніе думъ и чувствованій современныхъ бѣдняковъ, рабочаго класса, пролетаріата.

Это фактъ, что богатства капиталистовъ-предпринимателей не могли бы расти безъ труда рабочихъ. „Никакое частное капитальное имущество—читаемъ мы у Ротбертуса ¹⁾—не могло бы значительно увеличиться, если бы каждый капиталистъ оставался собственникомъ только своего собственного продукта. Насколько производительнѣе въ настоящее время трудъ по сравненію съ прежнимъ! Тѣмъ не менѣе даже въ настоящее время никто не могъ бы пріобрѣсти большого капитальнаго имущества, если бы получалъ прибыль только съ капитала, могущаго занять однѣ его личныя рабочія силы, и притомъ не потому, что капиталъ и, слѣдовательно, прибыль были бы малы, но потому, что онъ получалъ бы въ качествѣ прибыли часть продукта труда единственнаго рабочаго, именно себя самого. Точно также никто не можетъ получить большой прибыли и увеличить этимъ путемъ свое имущество, какимъ бы большимъ капиталомъ онъ ни владѣлъ, если только онъ одинъ работаетъ при посредствѣ этого капитала. Наоборотъ, лицо получаетъ тѣмъ большую прибыль и тѣмъ болѣе можетъ увеличить свое имущество, чѣмъ большому числу рабочихъ оно даетъ работу, ибо тѣмъ большее число разъ оно получаетъ долю прибыли отъ продукта единичнаго рабочаго“.

Подчеркиваемая контрастомъ между богатствомъ капиталиста и бѣдностью пролетаріата, эта истина до послѣдней степени дѣлается убѣдительною и тягостною для пролетаріата вслѣдствіе того обстоятельства, что капиталъ, вложенный въ предпріятіе, растетъ, и ростъ капитала происходитъ оязательно на глазахъ рабочихъ. И это дѣлаетъ возмож-

¹⁾ Zur Beleuchtung der sozialen Frage—Къ освѣщенію социальнаго вопроса.

ными такія рѣчи, какъ популярная рѣчь Либкнехта къ рабочимъ. „*Продуктъ труда* всѣхъ людей, при пользованіи одинаковыми орудіями производства—что, конечно, всегда бываетъ у одного и того же народа—приблизительно одинъ и тотъ же и, слѣдовательно, если бы каждый человѣкъ получилъ продуктъ индивидуальнаго труда, то всѣ имѣли бы приблизительно одинаковую собственность. Но, какъ вамъ—говорилъ Либкнехтъ рабочимъ—известно, этого не существуетъ въ дѣйствительности, напротивъ, существуетъ полнѣйшее неравенство. Почему такъ? Вы, друзья мои, находясь въ фабричномъ городѣ, имѣете прекрасный случай наблюдать, какъ происходитъ общественное неравенство. Каждый изъ насъ знаетъ какого-нибудь фабриканта, и видѣлъ, какъ онъ богатѣетъ. Возьмемъ, на примѣръ, господина Циммермана изъ Хемница, истинно примѣрнаго буржуа, о которомъ вы всѣ навѣрное слышали: двадцать или тридцать лѣтъ тому назадъ онъ явился въ Хемницъ такимъ же бѣднымъ какъ самый бѣдный изъ насъ; ему удалось собрать небольшой капиталъ; въ то время крупная промышленность еще не была такъ развита, а капиталъ не такъ концентрированъ въ однѣхъ рукахъ, и можно было съ сотней талеровъ начать предпріятіе, для чего нынѣ недостаточно цѣлыхъ тысячъ. Счастье ему улыбнулось, т. е. онъ получилъ заказы, *которые исполняли нанятые имъ рабочіе, исключая той части, которая приходилась на его собственную долю, между прочимъ, не большая, чѣмъ часть, приходившаяся на отдѣльныхъ рабочихъ, такъ какъ общезвѣстно, что способности господина Циммермана ни въ какомъ случаѣ не были выше средняго. Такимъ образомъ, у господина Циммермана была сначала дюжина рабочихъ, потомъ сто, подъ конецъ же болѣе тысячи, а нынѣ господинъ Циммерманъ—милліонеръ, слѣдовательно, собственникъ *comme il faut*, между тѣмъ какъ рабочіе его представляютъ изъ себя ничего не имѣющихъ пролетаріевъ. Почему такая разниа? По качеству работы этого опредѣлить нельзя, такъ какъ личная работа господина Циммермана по качеству представляетъ изъ себя посредственность. Онъ навѣрное не лучше и къ тому же еще навѣрное не больше работаетъ, чѣмъ большинство его рабочихъ. И все-таки онъ сдѣлался милліонеромъ, а они остались пролетаріями. Доходъ его собственнаго труда не могъ*

сдѣлать его милліонеромъ, такъ какъ если бы трудъ на его фабрику приносилъ столько дохода, что каждый рабочій могъ бы сдѣлаться милліонеромъ, тогда всѣ, или по крайней мѣрѣ большинство его рабочихъ, должны были сдѣлаться милліонерами. Они же остались пролетаріями. Но вотъ въ чемъ дѣло, мои друзья. Господинъ Циммерманъ получалъ *больше* а его рабочіе получали *меньше* продукта труда каждого изъ нихъ. Рабочіе господина Циммермана должны были остаться, пролетаріями для того, чтобы онъ сдѣлался милліонеромъ. И если не каждый работодатель дѣлается Циммерманомъ, то во всякомъ случаѣ каждый изъ нихъ въ общемъ такимъ же способомъ превращается въ крупнаго капиталиста, какъ и господинъ Циммерманъ, т. е. чрезъ трудъ своихъ рабочихъ“.

Еще блаж. Иеронимъ сказалъ: если одинъ не потеряетъ, другой не можетъ найти - *nisi alter perdiderit, alter non potest invenire*. По остроумному замѣчанію Харазова ¹⁾, „если опредѣлить съ математическою точностью вѣсъ разныхъ химическихъ элементовъ, то можно показать, что матерія ни при какомъ химическомъ процессѣ не можетъ ни возникнуть вновь, ни исчезнуть. Но если вѣсъ какого-нибудь элемента, напр. взятаго количества воды, показать меньше дѣйствительнаго, то при однихъ процессахъ химическаго измѣненія вещества можно наблюдать мнимое приращеніе матеріи, а при другихъ можетъ оказаться столь же мнимая убыль матеріи. Этимъ примѣромъ неопровержимо доказывается невозможность прибыли, какъ общаго явленія“. Вэмъ-Баверкъ ²⁾ указываетъ на „замѣчательныя особенности“ дохода съ капитала. „Онъ возникаетъ независимо отъ какой бы то ни было личной дѣятельности капиталиста: онъ поступаетъ къ капиталисту и въ томъ случаѣ, если тотъ не ударилъ даже пальцемъ о палецъ для его созданія, и кажется, что доходъ этотъ въ буквальный смыслъ слова производится *капиталомъ*, или—по старинному сравненію—*рождается имъ*“. Ад. Вагнеръ констатируетъ ³⁾, что нынѣ „трудъ и потребление

1) *Das System des Marxismus. Darstellung und Kritik.*

2) *Geschichte und Kritik der Kapitalzinstheorie=Капиталъ и прибыль. Исторія и критика процента на капиталъ.*

3) *Rede über die sociale Frage=Соціальный вопросъ.*

продуктовъ распредѣляются слишкомъ неравномѣрно между участниками въ производствѣ. Выгоды, приносимыя техническими усовершенствованіями производства, поступаютъ въ значительно большей степени въ пользу капиталистовъ и предпринимателей, особенно въ области индустрии въ тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ рабочихъ. Вслѣдствіе этого, положеніе рабочаго класса относительно ухудшается, хотя бы оно абсолютно, какъ этого нельзя въ общемъ отрицать, и измѣнилось къ лучшему, а слѣдовательно, пропасть между низшими и высшими классами все увеличивается“¹⁾.

Бѣдность въ наше время, какъ социальное явленіе, отличается такими особенностями, какихъ она не имѣла никогда прежде, и притязанія современнаго пролетаріата имѣютъ такой характеръ, какого никогда прежде притязанія низшаго класса не имѣли. Бѣдность нынѣ, со всѣми страданіями, ее сопровождающими, коренится въ существѣ социально-экономическаго строя, и пролетаріатъ возмущается противъ всего класса предпринимателей, противъ самого капитализма. Родбертусъ высказываетъ рѣшительное убѣжденіе, что „эти явленія (т. е. явленія пауперизма) проистекаютъ изъ *ложившихся* отношеній и фактовъ, въ то время какъ очень многіе—и только по недостатку основательныхъ знаній по національной экономіи—выводятъ ихъ изъ общественныхъ причинъ болѣе общаго характера или даже изъ нравственныхъ причинъ“. Проф. Исаевъ²⁾ даетъ важныя разъясненія по этому вопросу. „Недовольство пролетаріата поддерживается одною особенностью, съ которою въ новѣйшее время все чаще и чаще связано образованіе огромныхъ состояній. Богачи древности накапливали баснословныя имущества способами, которые, большею частью, нельзя было признать законмѣрными. Если источникомъ богатства не была война, позволявшая пограбить у враговъ несмѣтныя

1) В. Рошеръ *Grundlagen der Nationalökonomie (System der Volkswirtschaft* В. I): Es ist leider nicht zu leugnen, dass gerade auf dem Gipfel der Volkentwicklung eine Menge von Tendenzen mächtig sind, welche, ohne das Entgegenreten überwiegender Heilkräfte, die Reichen immer noch reicher, die Armen, wenigstens relativ, noch ärmer machen, und somit den Mittelstand von beiden Seiten her schmälern.

2) *Вопросы социологии.*

сокровища, то имъ было расхищеніе общественныхъ земель, занятіе такихъ должностей на государственной службѣ, которыя давали должностному лицу удобный случай обложить населеніе тяжкими поборами. Сравнительно съ этими способами пріобрѣтенія правильная торговля была уже менѣе важнымъ источникомъ образованія большихъ состояній, а промышленность или сельское хозяйство вовсе не вели къ тому, чтобы поставить людей, усердно занимающихся ими, въ ряды богачей. А главные способы пріобрѣтенія большого богатства, будучи связаны съ насиліями, только терпѣлись, но отнюдь не пользовались защитой закона. Противъ нихъ возвышали голоса люди, вовсе не склонные къ преобразованію государственнаго строя, какъ, на примѣръ, Тиверій Гракхъ, стремившійся пріостановить расхищеніе государственныхъ земель римскими богачами. Пролетаріи нашего времени видятъ, что самыя крупныя богатства пріобрѣтаются способами, которые на всѣхъ пунктахъ пользуются санкціей закона. И теперь есть случаи, что должностное лицо обогащается отъ взятокъ, для которыхъ жизнь выработала утонченныя формы—вознагражденіе за содѣйствіе частнымъ лицамъ при полученіи концессіи на выгодныя предпріятія. И теперь дипломатъ, вызвавшій войну, или военачальникъ, приведшій ее къ благопріятному исходу, награждаются крупными суммами изъ контрибуціи, возложенной на побѣжденный народъ. Но эти случаи обогащенія совершенно незамѣтны въ общей массѣ. Законъ освящаетъ право частной собственности почти на всю внѣшнюю природу, доступную воздѣйствію человѣка; законъ освящаетъ договоръ во всѣхъ его разновидностяхъ и требуетъ неуклоннаго его исполненія; законъ охраняетъ безпрепятственное совершеніе кредитныхъ сдѣлокъ и вырабатываетъ нормы, которыя приравниваютъ эти сдѣлки ко всѣмъ хозяйственнымъ актамъ во всемъ ихъ разнообразіи. И, вотъ, подъ покровомъ закона, А наживаетъ миллионы отъ того, что ведетъ промышленное предпріятіе съ тысячами вольнонаемныхъ рабочихъ, эксплуатируемыхъ не болѣе, чѣмъ разрѣшаетъ законъ, Б становится миллионеромъ потому, что скупаетъ за безцѣнокъ огромныя площади земли наканунѣ проведенія чрезъ нихъ желѣзной дороги, а В, пользуясь въ широкихъ размѣрахъ кредитомъ, скупаетъ акціи возникающаго предпріятія по 100 и чрезъ немного

времени продаетъ по 500—1000 и вступаетъ въ ряды тѣхъ, кто имѣетъ дворцы, парки, морскія яхты. Въ наше время главные способы пріобрѣтенія миллионныхъ состояній не имѣютъ ничего общаго съ грабежомъ и насиліемъ. Законъ возводитъ эти способы въ цѣлую систему...: Сознаніе чудовищности противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностью, сознаніе отвратительности союза между законностью и лицемеріемъ вызываетъ то рѣзкое недовольство пролетаріата, которое и поддерживаетъ въ немъ готовность къ непрерывной борьбѣ. Проникнутые сознаніемъ, что общественная жизнь должна быть построена рано или поздно на началѣ равнаго доступа всѣхъ къ матеріальнымъ и духовнымъ благамъ, пролетаріи хотятъ не только гораздо большаго, чѣмъ предки, но и принципиально отличнаго отъ желаній, которыми были преисполнены рабочіе классы въ предыдущіе вѣка. Современный пролетаріатъ не только хочетъ поднять свое матеріальное довольство, но и достигнуть окончательной отмѣны господства капитала въ хозяйственной жизни... Смыслъ и напряженность недовольства, которыми объята немущіе классы нашего времени, не могутъ быть поняты, если упускать изъ вида новыя принципы, проникающіе недовольныхъ, и цѣли, которыя часто не называются, къ которымъ непосредственно не стремятся въ отдѣльныхъ актахъ борьбы, но которыя объединяютъ многочисленныя массы. Въ старину борьба велась съ точно опредѣленнымъ врагомъ (напр. съ такимъ-то помѣщикомъ) и изъ-за ближайшихъ, простѣйшихъ интересовъ (дабы, напр., избавиться отъ его жестокости). Теперь борьба ведется противъ цѣлаго класса предпринимателей и перѣдко ради интересовъ не самыхъ близкихъ“.

Говорятъ: „никогда еще разстояніе между дѣйствительностью и тѣмъ, что *могло бы и должно бы* быть, не было такъ безмѣрно велико“. Несомнѣнно, современный антагонизмъ богатства и бѣдности, современное отношеніе богатыхъ и бѣдныхъ не могутъ не возмущать нравственнаго чувства ¹⁾. Но если

¹⁾ Развѣ не возмутительно слышать, что наемъ человѣка и наемъ скота, напр. лошади, суть тождественные акты и подлежатъ одинаковымъ законамъ рынка? Vagehot *Economic studies*: hiring a man and hiring a horse are obviously acts of the same species. The laws which settle monetary value are the same in the case of labour as in other cases.

мы посмотримъ на соціальный вопросъ исключительно съ нравственной точки зрѣнія, то мы придемъ къ тому выводу, что наше время не имѣетъ особенностей сравнительно съ прошлыми временами. Всякое выраженіе нравственнаго негодованія на фонѣ современной соціальной жизни было бы лишь слабымъ эхомъ огненныхъ рѣчей древнихъ пророковъ и отцовъ церкви. Равнымъ образомъ и для нравственнаго воздѣйствія на бѣдныхъ святоотеческія проповѣди даютъ неисчерпаемый матеріаль. Но особенностью нашего времени является распространяющееся нынѣ убѣжденіе, что нравственною проповѣдью, какъ направленною противъ богатыхъ, такъ и обращенною къ бѣднымъ, соціального вопроса не разрѣшить. Такое убѣжденіе высказываетъ Дж. Гобсонъ. „Жизнь бѣднѣйшихъ и униженныхъ классовъ недоступна самому вліянію высокой цивилизаціи. Пока всю ихъ энергію будетъ поглощать борьба за продолженіе физическаго существованія, цивилизація не можетъ на нихъ вліять. Соображеніе о большемъ внутреннемъ значеніи моральной жизни сравнительно съ физической не должно насъ вводить въ заблужденіе. Не нужно думать, что болѣе важное должно предшествовать менѣе важному. Мы должны начать съ низшей жизни, прежде чѣмъ подняться до высшей. У индивидуума *sanus sanus* (здоровое тѣло) справедливо является предметомъ болѣе раннихъ заботъ, чѣмъ *mens sana* (здоровая душа), хотя послѣдняя, можетъ быть, имѣетъ большее значеніе; то же самое справедливо относительно прогресса цѣлаго класса. Мы не можемъ отпираться къ обитателямъ нашихъ глухихъ кварталовъ и совѣтовать имъ быть опрятными, бережливыми, прилежными, стойкими, нравственными, разумными, религіозными, пока мы, прежде всего, не научимъ ихъ, какъ обезпечить себѣ экономическія условія здоровой физической жизни. Наши бѣднѣйшіе классы не имѣютъ ни времени и энергіи, ни желанія быть опрятными, бережливыми, разумными, нравственными, рели-

Ср. Stolzmann *Die sociale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre* I. Основательныя сужденія на тему о томъ, что съ точки зрѣнія политической экономіи, какъ имѣющей дѣло съ организаціей *человѣческаго* труда, рабочій долженъ быть не вещью, а личностью, см. у Effertz'a *Arbeit und Boden*.

гіозными. Въ своей поспѣшности мы забываемъ, что существуетъ естественный и необходимый порядокъ пробужденія желаній. Въ настоящее время наше населеніе глухихъ кварталовъ не желаетъ быть нравственнымъ и разумнымъ, не желаетъ быть особенно опрятнымъ. А потому эти высшія блага должны ждать своей очереди, поскольку они зависятъ отъ добровольнаго дѣйствія бѣдныхъ. Но эти люди желаютъ лучшей и болѣе обильной пищи, болѣе теплой одежды, лучшаго и болѣе обезпеченнаго жилища, болѣе увѣренности въ полученіи работы за порядочную заработную плату. Пока мы не можемъ помочь имъ въ удовлетвореніи этихъ „низшихъ“ желаній, мы напрасно будемъ стараться пробудить „высшія“. Мы должны прежде всего позаботиться о здоровомъ физическомъ существованіи, чтобы подготовить почву, на которой можно будетъ посѣять нравственныя сѣмена, съ надеждой получить плодъ. Только на прочномъ физическомъ фундаментѣ можемъ мы воздвигнуть величественное зданіе высокой нравственной и умственной культуры“. И далѣе—подготовить эту почву путемъ благотворительности, по общему въ наше время убѣжденію, считается дѣломъ невозможнымъ. Наши дни характеризуетъ низкая оцѣнка благотворительности. „Лучшіе изъ бѣдняковъ никогда не питаютъ благодарности. Они неблагодарны, недовольны, непокорны, они мятежны. И они имѣютъ полное право быть такими. Они чувствуютъ, что благотворительность является или до смѣшнаго несоотвѣтственной формой частичнаго возстановленія вопіющей несправедливости, или же сантиментальной подачкой, сопровождаемой обыкновенно наглыми попытками со стороны сантиментальныхъ благодѣтелей — распространить свою тиранію на ихъ частную жизнь“. О. Уайльдъ, которому принадлежатъ эти слова (въ ст. *О социализмѣ*), добавляетъ: „что касается нищенства, то просить милостыню безопаснѣе, чѣмъ брать, но зато брать гораздо благороднѣе, чѣмъ кланяться“. Такъ и думаетъ современный пролетаріатъ: онъ не „проситъ“, а „требуетъ“. Благотворительность въ наши дни практикуется въ весьма широкихъ размѣрахъ—и правительствомъ, и частными лицами, и представителями индустріи. Но „при всѣхъ умиротворяющихъ мѣрахъ, которыя филантропія или индустрія примѣняютъ къ социальнымъ настроеніямъ, поднимаются широкія, все возра-

стающія волны недовольства, возмущающія до дна потокъ соціальной жизни. Соціальный вопросъ нашего времени не есть вопросъ о смягченіи бѣдствій настоящаго строя, но это вопросъ о томъ, сохранится ли самому строю, существующему нынѣ. Современные умы занимаетъ не проблема соціальныхъ улучшеній, а проблема соціальнаго преобразованія и переустройства. Новый соціальный интересъ направляется не столько на результаты, сколько на причины, не на соціальную терапевтику, но на соціальную бактериологию и соціальную гигиѣну. При такомъ настроеніи умовъ часто обнаруживается въ дѣйствительности сильная реакція противъ традиціонныхъ путей благотворительности и умѣренныхъ реформаторскихъ мѣропріятій. Потеряно—говорятъ настойчиво—то время, которое потрачено на подрѣзаніе отдѣльныхъ вѣтвей соціальнаго зла, тогда какъ истый соціальный вопросъ подрѣзаетъ самый корень, отъ котораго произрастаютъ эти вѣтви. вмѣсто того, чтобы изслѣдовать, какіе пути милосердія пригодны, лучше изслѣдуемъ—говорятъ настойчиво,—почему милосердіе неизбежно и почему бѣдность существуетъ. вмѣсто того, чтобы реформировать промышленныя учрежденія, лучше спросимъ, почему результаты промышленности столь жестоки, унизительны и несправедливы. Не благотворительнаго примѣненія современныхъ порядковъ, но такого строя, при которомъ благотвореніе не было бы необходимо, не покровительства, но справедливости, не великодушной раздачи излишняго богатства, но справедливаго возврата богатствъ тѣмъ, которыми они созданы,—таковы требованія, къ которымъ привыкъ нашъ слухъ въ послѣднее время и которыя обнаруживаютъ характеръ новѣйшаго соціальнаго вопроса“ 1). То же читаемъ у Людв. Штейна 2). „Никогда не было недостатка въ попыткахъ сгладить старый контрастъ между богатыми и бѣдными, между господами и рабами. Наиболѣе распространеннымъ, въ средніе вѣка почти единственнымъ средствомъ смягченія и ослабленія этого контраста было состраданіе—*caritas*, проповѣдуемая церковью. Мы не намѣрены отвергать.

1) Пибоди *Jesus Christ and the social question*.

2) *Die soziale Frage im Lichte der Philosophie*=Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія.

всякое социологическое значеніе этой *caritas*, но въ настоящее время она непригодна, какъ исключительное средство исцѣленія противъ всѣхъ социальныхъ ранъ. Во-первыхъ, она черезчуръ подвержена дѣйствию субъективнаго произвола и развитія надменности богатыхъ, такъ что рабочая масса не можетъ довѣрить свою судьбу такой капризной и случайной раздачѣ благъ, а во-вторыхъ самосознаніе рабочихъ классовъ, благодаря достигнутому ими высокому уровню жизни настолько уже развито, что они не могутъ долго примиряться съ такой *caritas*, которая даже въ наиболѣе мягкой ея формѣ имѣетъ горькій привкусъ милостыни. Рабочая масса въ настоящее время отвергаетъ подобную милостыню, она требуетъ экономической пропорциональности, которой не даетъ ей индивидуалистическій капитализмъ, какъ своего права. И это не писанное право и не основное или человѣческое право,—потому что всѣ подобные остатки естественнаго права давно изъѣдены червемъ скептицизма, а повелѣвающее право, за которымъ стоитъ сила. Воспитанный въ общественной школѣ и дисциплинированный всеобщей воинской повинностью, пролетарій не хочетъ просить никакой милостыни на основаніи естественнаго права, онъ требуетъ правъ постольку, поскольку та масса, къ которой онъ принадлежитъ, составляетъ силу“.

Сказаннымъ выясняется какъ то, почему „среди интересовъ, волнующихъ человѣчество, социальный вопросъ, именно нынѣ, является центральнымъ и господствующимъ“, такъ и та форма, которую нынѣ принялъ социальный вопросъ,—форма борьбы между капиталомъ и трудомъ, между капиталистами и пролетаріатомъ. По словамъ Фулье ¹⁾, „въ социальной дѣйствительности существуютъ причины, которыя неизбѣжно ведутъ къ социализму, существуютъ бѣдствія, для которыхъ онъ служитъ симптомомъ и которыя требуютъ средствъ для борьбы съ ними“.

Социализмъ есть опытъ рѣшенія социального вопроса въ интересахъ пролетаріата. Социализмъ имѣетъ двѣ стороны—практическую и теоретическую, онъ и практическая программа партій и научно-философская теорія.

Социалистическое, или социаль-демократическое движеніе

1) *Le socialisme et la sociologie réformiste.*

поражаетъ своею грандіозностью. Это самое значительное явленіе въ современной жизни народовъ, въ которомъ сокрыты пути грядущей исторіи человѣчества ¹⁾. Однако въ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть дѣло единственно съ теоретическою стороною социализма.

И въ теоретическомъ отношеніи социализмъ представляетъ изъ себя самую значительную изъ всѣхъ современныхъ научно-философскихъ системъ. По вѣрному замѣчанію Масарика ²⁾, „вопросы социализма по преимуществу суть вопросы философскіе. Современный социализмъ съ его практикой и его теоріей заставляетъ cadaго пересмотрѣть свое міросозерцаніе и свое поведеніе. Социализмъ становится пробнымъ камнемъ для нашего знанія и для нашей совѣсти (Der Socialismus ist zum Prüfsteine unseres Wissens und Gewissens geworden)“. Критическое изученіе социалистической теоріи служитъ нынѣ вѣрнѣйшимъ и необходимымъ путемъ къ обоснованію міровоззрѣнія ³⁾. И это независимо отъ того, каково въ послѣднемъ итогѣ отношеніе изслѣдователя къ социализму, положительное или отрицательное: непререкаемо важны тѣ проблемы, которыя ставитъ социализмъ.

Наше отношеніе къ социализму не можетъ быть предварительно выражено въ какой-нибудь простой всеобъемлющей формулѣ, ибо и самъ социализмъ есть явленіе весьма сложное. Вслѣдъ за проф. Макензи мы можемъ сказать, что въ социализмѣ выступаютъ разныя стороны, весьма отличныя одна отъ другой. Въ немъ есть сторона комическая, есть въ немъ сторона трагическая, есть также въ немъ сторона, обращенная къ здравому смыслу. Социализмъ коми-

¹⁾ Гаммахеръ *Das philosophisch-ökonomische System des Marxismus*: Wie man sich auch zu ihr (къ социаль-демократическому движенію) stellen mag, eins kann man ihr nicht absprechen, das Grosszügige, ja Unerhörte des Ganzen. Noch nie in der bekannten Geschichte des Menschengeschlechtes wurden solche Massen in fast allen Kulturländern in gesetzmässiger Form planmässig organisiert; noch nie stand eine soziale Klasse so bewusst und offen in scharfer und doch legaler Opposition gegen andere Gesellschaftsklassen.

²⁾ *Die philosophischen und sociologischen Grundlagen des Marxismus* = Философскія и соціологическія основанія марксизма.

³⁾ Ср. особенно Штамллера *Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung* = Хозяйство и право съ точки зрѣнія материалистическаго пониманія исторіи.

чень, какъ простое выраженіе стремительнаго нетерпѣнія и недовольства, которое находитъ для себя утѣшеніе въ созданіи фантастическихъ образовъ. Онъ трагиченъ, какъ выраженіе революціоннаго бѣшенства, порожденнаго невыносимою несправедливостью общественныхъ порядковъ. Но отчасти онъ служитъ также выраженіемъ нравственнаго принципа и попытки формулировать, хотя бы не вполне адекватное, средство его воплощенія въ жизни ¹⁾.

Наше отношеніе къ социализму съ этико-религіозной стороны можетъ быть *только* отрицательнымъ, въ этико-религіозномъ отношеніи онъ не имѣетъ никакого положительнаго значенія. Однако въ этомъ сужденіи еще не открывается принципиальная сторона дѣла, тогда какъ для насъ важно въ этомъ мѣстѣ указать читателю основныя начала нашего сужденія о социализмѣ, т. е. основныя принципы нашего изслѣдованія.

Въ принципиальномъ отношеніи мы признаемъ правду въ требованіи организациі народнаго хозяйства, видимъ правду въ признаніи народно-хозяйственной организациі единственнымъ путемъ къ рѣшенію социальнаго вопроса. Теоретическое значеніе социализма въ томъ, что онъ есть первый опытъ построенія той великой философіи, о которой сказалъ Руссо: *la plus grande philosophie c'est de savoir ce qui nous entoure*. Не Сократъ свелъ философію съ неба на землю,—это сдѣлалъ впервые научный социализмъ, назвавшій собственнымъ именемъ реальныя мотивы человѣческой жизни, направившій вниманіе философіи на тѣ низменныя предметы, къ которымъ философія всегда относилась съ пренебреженіемъ и даже презрѣніемъ и которые, однако, лежатъ въ основѣ социальной жизни. Философія всегда боялась ступить на земную грязь, всегда съ любовью, какъ мальчишки мыльными пузырями, играла абсолютными формулами, которыя лопались при опусканіи на землю. Она хотѣла быть

¹⁾ *An introduction to social philosophy*. Остроумно далѣе авторъ опредѣляетъ мотивы распространенія социализма: *Some people call themselves Socialists, as boys call themselves pirates and brigands, because they think it fine: some become Socialists, as men become pirates and brigands, because they are driven to it by misery and despair: some are Socialists to please the mob, and some because they are the mob: and some again are inspired by the consciousness of a profound moral truth.*

мистической, но теряла единственный путь, ведущий къ мистикѣ, и неизмѣнно оставалась рационализмомъ. Ибо не въ томъ мистика, чтобы витать въ заоблачной выси, а въ томъ, чтобы почувствовать автономную правду земли и всѣхъ земныхъ отношеній. Последняя тайна жизни въ неустрашимости и иррациональности всѣхъ узко-человѣческихъ отношеній купли и продажи, работодателя и наемничества, столкновенія экономическихъ интересовъ семейныхъ и классовыхъ etc. Эти-то реальныя отношенія жизни и составляютъ пробный камень для философской системы, въ отдаленіи же отъ нихъ возможно лишь софистическое хитроумничаніе, лишенное всякаго внутренняго содержанія, головокружительный подъемъ шара, освобожденнаго отъ всякаго балласта, причудливо-виртуозныя движенія судна безъ всякаго груза.

Но коренная ошибка социализма, обрекающая эту философскую систему на роковое крушеніе, въ томъ, что онъ считаетъ возможнымъ рационализировать социальныя отношенія, устроить экономическую область по абсолютнымъ принципамъ. Но эта область не можетъ быть этически рационализирована. Исходя изъ этого тезиса, я усматриваю въ организациі народнаго хозяйства *условное* дѣло жизни, условную гармонизацію земныхъ интересовъ, но не болѣе того, ни въ какомъ случаѣ—рѣшеніе этико-религіознаго вопроса. Наша социальная жизнь полна неправды. Но я глубоко убѣжденъ въ томъ, что несправедливость многомилліоннаго состоянія, процвѣтающаго наряду съ нищетою, есть въ сущности, лишь съ количественнымъ различіемъ, та же, что и та несправедливость, которая открывается въ моемъ пристрастіи къ своему единственному куску, къ своему единственному платью, къ своему убогому жилищу. Это не значитъ, что будто невозможна организациія народнаго хозяйства, какъ путь къ борьбѣ съ социальнымъ зломъ, но это значитъ, что такая организациія можетъ опредѣляться условными соображеніями, а не безусловными принципами. Практика жизни отъ этого не только не страдаетъ, а даже выигрываетъ, ибо примѣненіе къ условной социальной дѣятельности абсолютныхъ принциповъ поведенія не можетъ не быть вреднымъ, но философскій взглядъ на жизнь существенно мѣняется. Съ этой принципиальной точки зрѣнія

и получаетъ все значеніе вопросъ объ отношеніи социализма къ этикѣ и религіи.

Вскрыть эту ошибку социализма, оправдать этотъ взглядъ—значитъ стать на точку зрѣнія, убійственную для социализма. Признавъ экономическую область условною, социализмъ пересталъ бы существовать какъ философія, какъ система этики и религіи, онъ превратился бы въ простую экономическую теорію.

Въ системѣ социализма заключается роковое внутреннее противорѣчіе, поскольку онъ, съ одной стороны, признаетъ автономную правду земли и всѣхъ земныхъ отношеній, а съ другой стороны— снова рационализируетъ реальную жизнь. Мы увидимъ, насколько это противорѣчіе устойчиво въ социализмѣ. Мы хотѣли бы теперь обратить вниманіе на то, что это противорѣчіе въ социализмѣ не есть случайный методологическій недосмотръ, но что два полюса—личной абсолютности и социальной условности—существенно присущи нашей жизни, что основной вопросъ социальной философіи есть вопросъ о взаимоотношеніи этихъ полюсовъ. Вся система социализма построена на неосознанности этой полярности человѣческой жизни, и уже правильная постановка основного социально-философскаго вопроса ведетъ къ неизбежному крушенію теоріи социализма.

Я не претендую на то, чтобы намѣченный мною взглядъ на взаимоотношеніе хозяйства и этики былъ вполне яснымъ для читателя; я не требую того, чтобы читатель увѣровалъ въ него догматически. Нѣтъ, это лишь программа, которая будетъ выполнена во всемъ нашемъ изслѣдованіи, кончая послѣднею спеціальною главою „нравственность и хозяйство“. Я лишь намѣчаю тотъ уголь зрѣнія, подъ которымъ я разсматриваю социализмъ, тотъ обсерваціонный пунктъ, который объединяетъ всѣ отдѣлы и экскурсы нашего изслѣдованія и котораго читателю не слѣдуетъ никогда упускать изъ вниманія.

М. Таръевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).
